

*Малютка Джи-джи,
или Паломничество
на гору Альверно*

I

История, которую я собираюсь поведать... собираюсь, хотя еще можно остановиться, не позволить бегающей по столу мышке собирать крупинки фактов, мнений, досужих догадок и вымыслов и не обрекать себя на сладкую каторгу литературного труда, но я должен. Должен, поскольку в нашем королевстве с некоторых пор пишут все: эскулапы, повара, кухарки, часовщики, стеклодувы, скалолазы, крысоловы, каменотесы, театральные антрепренеры, продавцы воздушных шаров, а настоящих писателей масштаба Бальзака, Тургенева, графа Салиаса или Леонида Бежина нет. Поэтому мне не то чтобы приходится за всех отдуваться, но, раз уж я призван, то куда денешься — должен соответствовать. А это значит — с открытым забралом выступить в защиту священных понятий правды и справедливости.

Поэтому я продолжу. Моя история содержит многое из того, чем обычно стараются привлечь читателя: интриги, заговоры, убийства и проч., проч., но мне это не кажется главным. Читатель вправе со мной не согласиться, но я считаю главным совсем другое: крушение и гибель великой монархии (чему я был свидетель, поскольку входил в число приближенных Ее Величества королевы, верой и правдой ей служил).

Великое же часто гибнет от ничтожных мелочей, хотя, впрочем, мелочи его иногда и спасают, как гуси спасли Рим, разбудив его спящих воинов. Но в данном случае мелочи сыграли свою скверную, пагубную роль в судьбе великой династии, и она погибла оттого, что к благородно-холодной голубой крови была примешана толика

знойной, распаленной буро-коричневой и принц Сальвадор, любимый внук королевы, привел во дворец молодую жену Альфонсину, африканку по происхождению (если не целиком, то частично).

Да, не боюсь повторить — великой, хотя карликовые размеры нашего королевства, казалось бы, противоречат подобному утверждению. Да, наше королевство, имеющее выход к морю, великолепные курорты и пляжи, казино и игорные дома, где день и ночь крутится рулетка, с треском распечатываются новые колоды карт и куда стекаются азартные игроки со всего мира (их грехи отмаливают монахи горных монастырей)... наше процветающее королевство, увы, одно из самых маленьких в Европе.

Но ведь дело не в размерах территории, занимаемой той или иной страной, а в веющем над нею монархическом духе. И я осмелюсь утверждать, что духом своим наша монархия всегда превосходила многие монархии мира. Впрочем, какие там многие: их почти и не осталось в нашем мире, монархий. Одни были свергнуты восставшей чернью сравнительно недавно — чуть более ста лет назад (пример тому несчастная Россия), другие дышат на ладан, влачат жалкое существование и, в сущности, доживают последние дни.

Зато процветают, выпендренно заявляют о себе и торжествуют республики, хотя человечество за свою историю не придумало ничего более банального и пошлого. Республики бахвалятся тем, что власть в них принадлежит народу. Это красиво звучит, но, по сути, чистая фикция. Народу принадлежит лишь его беспросветная нужда, нищета и обездоленность, власть же всегда, как и деньги, липнет к рукам финансовых тузов и миллионеров, скупающих особняки, виллы, яхты и футбольные клубы.

И вот из них (из их карточной колоды) выбирается один, чтобы стать главой республики или ее президентом. Но кто такой этот один? Жрец? Иерофант? Сакральная фигура? Он обладает способностью слышать голос Бога и распознавать зовы вселенной? Он может сказать о себе, как Конфуций: «В пятьдесят лет я познал волю Неба»? Нет, он профан, хотя и разбирается в кое-каких вопросах, умеет изрекать банальности так, что их принимают за глубочайшие истины,

и способен дергать за ниточки, приводя в движение своих марионеток.

Но, повторяю, он профан в том смысле слова, в каком его употребляли древние, отделяя земное от небесного, низменное от высшего, профанное от сакрального. Небесное закрыто для профана: отсюда — вся его беспомощность. При всем своем напыщенном величии он, принимающий парады и вручающий ордена, — всего лишь маленькая черепашка, пущенная в аквариум к большим черепахам, готовым ее сожрать.

В этом его отличие от монарха, который может быть назван жрецом и Иерофантом, поскольку слышит и распознает. Конечно, монархи бывают разные по своим человеческим свойствам — слабые, легкомысленные, вздорные, лицемерные, но это ничего не меняет в их статусе помазанников, призванных на царство высшей волей.

Вот и наша королева Ядвига помазана на царство по всей торжественной строгости церковного обряда, а это вам не президентская присяга с правой рукой, положенной на Библию, а с левой... прячущей фигу в кармане. Я позволил себе эту шутку не для того, чтобы окончательно опорочить президента как носителя власти в республике, а лишь из желания напомнить, что ни один президент не выполняет своих клятв и предвыборных обещаний. Ни один... ну, может быть, за редкими исключениями. Я вполне допускаю, что этот исключительный президент способен показаться правдивым и честным, но это лишь до той поры, пока не затихнет газетная шумиха, не умолкнут репортеры, дикторы телевидения и не возьмутся за дело историки.

Иными словами, пока эра его правления не отойдет в прошлое и не настанет срок распечатать архивы, секретные фонды и хранилища важных государственных бумаг. Вот тогда-то и обнаружится фигу, а вместе с ней все человеческие пороки, слабости и заблуждения нашего правдивца и поборника чести, имевшего несчастье быть президентом. Монарха же — тем более невинно убиенного, расстрелянного со всей семьей, как последний русский царь, в таких случаях причисляют к лику святых, и его человеческая слабость обращается в духовное величие.

Вот так-то, любезный читатель. Возможно, что и наша королева Ядвига будет когда-нибудь признана святой. Я осторожно намекаю на это, чтобы лишний раз подчеркнуть: Ее Величество королева может быть грубой, вульгарной, сварливой, чопорной, нетерпимой к новизне, упрямой как ослица... да, может, может, и я не раз был этому свидетелем, но на ней почит Дух Божий, а посему все ее человеческие слабости заслуживают прощения. Или, лучше сказать, они попросту не имеют никакого значения. Не имеют, поскольку не ей, королеве, а нам, ее подданным, следует заботиться о том, чтобы нечто заслужить, ее же монаршее дело — всем справедливо раздавать по заслугам.

//

Надеюсь, я ясно выразился, и повторяться не стану.

Добавлю только, что упомянутый мною Дух осеняет все королевское семейство, и в первую голову — королевских детей и внуков. Правда, один из сыновей Ядвиги — принц Вильгельм, названный так в честь Вильгельма-завоевателя, не совсем удачно женился (завоевал не ту, которую следовало), чему, казалось бы, упомянутый мною Дух должен был воспрепятствовать. Но если почивший святой может провонять, как это описано у русского классика (а Россия по части литературы — первая в мире), то и Дух способен допускать оплошности и досадные промашки, да простится мне эта сомнительная острога — одна из тех, что в большой моде у нашего эпикурейского двора. Как видно, вирус эпикурейства отчасти заразил и меня — при всей-то моей набожности и глубочайшем пиетизме, и это дает мне право усматривать в его распространении одну из побочных причин медленного, но неуклонного разложения династии. Ведь и сама королева... но об этом молчок, ибо достоинство королевы должно быть неприкосновенным для любой критики.

А чтобы чем-то занять себя на время вынужденного молчания и, заградив уста, дать поблажку глазам, предлагаю полюбоваться видом из окна: высыхающими каплями

дождя на стекле, прилипшими к стеклу лепестками персидской сирени, виноградниками на горных террасах, заснеженными вершинами и нависшими над пропастью глухими стенами монастыря. Замечу не без гордости, что наше королевство, отрада для путешественников, славится такими чудесными видами. Движение же этой застывшей картине придает запряженная цугом карета, с подобающей торжественностью приближающаяся к парадным дверям дворца. Из нее первым выходит принц Сальвадор, галантно подающий руку своей невесте Альфонсине, которой предстоит впервые подняться по мраморной лестнице, пройти анфиладою залов и быть представленной Ее Величеству. Перед этим же еще выдержать приторные улыбки и оценивающие — догола раздевающие — взоры придворных.

— Дитя мое! Хотя ты и немного смугла, но у тебя белая кожа. А меня пугали, что ты негритянка, — скажет королева, награждая поцелуем склоненную к ней головку.

— О, Ваше Величество. Моя заслуга лишь в том, что я хорошо умею пудриться, — дерзко ответит Альфонсина, и обе женщины поймут, что отныне они встали на тропу вражды, маскируемой улыбками и нежными взглядами.

Разумеется, фразу Ее Величества тотчас подхватили и разнесли по всем уголкам, чердакам и подвалам дворца (даже истопники и смотрители чердачных голубятен ее с наслаждением смаковали). Тогда же возникли слухи, что Альфонсина выписала себе из Африки колдуна и у нее отравленный ноготь на мизинце левой руки, один укол которого приносит мгновенную смерть от паралича всего тела.

Однако разыгравшееся воображение заставило меня забежать вперед, и читатель вправе напомнить мне, что я должен вернуться к истории неудачных завоеваний принца Вильгельма, отца Сальвадора, выбравшего ему в матери столь ветреную красавицу. Впрочем, я не из тех, кто склонен все валить на его жену — принцессу Данаю. Принц Вильгельм и сам виноват в том, что его брак не сложился. Хотя не знаю, насколько можно считать виной характер, доставшийся ему от рождения и получивший развитие благодаря уродливому воспитанию (так называемые воспитатели, приставленные к подростку, привили ему страсть

к почтовым голубям и игорным домам), а по характеру принц — скучнейший педант и невыносимый зануда.

Кроме того, он даже не озаботился тем, чтобы скрыть от жены свои прежние любовные похождения, и изрядно намозолил ей глаза портретом одной штучки, с которой имел добрачную связь. Будь эта штучка хотя бы на полголовы повыше портовой шлюхи, поумней и пообразованней, принц бы взял измором матушку и получил (вырвал) разрешение на ней жениться. Но Ядвига решительно воспротивилась, и Уильям был вынужден ретироваться. Тогда его познакомили с Данаей, которой он увлекся, хотя при этом не забыл и прежнюю страстишку, о чем свидетельствовала его несносная привычка будто нечаянно выставлять повсюду портрет с изображенным на ней смазливим личиком.

Даная была слишком проста и в то же время слишком горда, чтобы ревновать и тем более соперничать со смазливой и вульгарной красоткой. Она создала, что ее собственная красота — красота истинной леди (хотя туманный Альбион от нас далеко) — может быть причислена к одному из чудес света, и это взаправду так. По долгу службы мне приходилось часто видеть Данаю и даже входить к ней без стука. Вернее, раз пять я стучал, а на шестой забывал, поскольку мне казалось, что после пятого стука ничего не могло измениться за столь короткое время.

Ан нет. Менялось. И однажды я даже застал Данаю обнаженной, что принцессу, однако, ничуть не смутило, и она ответила мне с великолепным презрением и горделивым достоинством Венеры, дающей отповедь нескромным преследованиям Зевса: «Смотри, смотри. Жена тебе такого не покажет».

Я был посрамлен. Но я же был и восхищен, поскольку какая там жена... (я закоренелый холостяк). Я в жизни не встречал такого ослепительного чуда, такого идеального совершенства, словно бы случайно упавшего сюда с неба по недосмотру его тамошних распорядителей. Принцесса же носила свою красоту с усталым равнодушием, словно наскучившее платье или надоевшую шляпку, и ей хотелось не столько восторженного поклонения (и этот влюблен), сколько обыкновенного тепла, сочувствия, естественной простоты в обращении, умения

развеселить и соответственно — юмора, которого ей так не хватало при нашем чопорном дворе.

Ведь несмотря на свое аристократическое происхождение Даная и сама была проста: чтобы заработать, в юности своими божественно прекрасными руками мыла полы и ухаживала за чужими детьми, вытирала им носы, пичкала овсяным киселем и сажала на горшок.

Таков парадокс: секрет истинных красавиц в том, что они ждут от нас совсем не того, чем мы их задариваем. И ключик к их любви лежит совсем не в том кармане, куда мы по недомыслию запускаем руку. Сразу скажу, что принцу Вильгельму не удалось этот ключик найти. Он достался любовникам принцессы — ничтожным плебейм, тем не менее возбуждавшим жгучее любопытство Данаи тем, что они были выходцами из другого мира, не имевшими ничего общего с ее дворцовым окружением и прежде всего с этими вялыми, дряблыми, рыхлыми князьями, баронами и маркизами. Так она пала в объятия капитана яхты, подаренной мужем, крупье из ближайшего казино, учителя верховой езды и личного охранника. Можно осуждать ее за это, негодовать и возмущаться, но женщина живет ради ощущений, и я надеюсь, что со своими любовниками несчастная Даная хотя бы отчасти испытала то, чего была лишена в холодной постели с мужем.

///

Не принесло ей счастья и материнство. После трех лет брака у них с Вильгельмом родился сын, коему заранее уготовано было место в длинной очереди возможных наследников королевского трона. Место по счету тринадцатое, что весьма символично. Сия роковая цифра преследовала Сальвадора всю жизнь. На групповых снимках королевского семейства, кои я часто рассматриваю, он всегда оказывался тринадцатым в заднем ряду, причем никто его туда специально не ставил, а так уж получалось само собой. Позднее, когда принц служил в королевском полку, на стрельбах и скачках ему непременно выпадал тринадцатый номер. Ну

и так далее... не буду развивать эту тему, но очевидно, что проклятая цифра въелась в нежную кожу принца как клещ.

И это служило явным признаком того, что своей очереди на право занять трон ему никогда не дожидаться. Соответственно и Данае не суждено когда-либо унаследовать почетный титул королевы-матери.

Ну, если не власть, так любовь. Во всяком случае, вся мировая литература подсказывает такой вывод, и прежде всего «Повесть о блистательном принце Гэндзи» фрейлины Мурасаки. Ее герой, лишенный законного права стать наследником императора, искал утешения в любовных приключениях, бесчисленных романах, придворных празднествах и увеселениях. О, это упоительное чтение! — готов я воскликнуть и тем самым выдать себя, ибо читатель, наверное, уже догадался, что по должности я королевский библиотекарь и августейшие особы — в зависимости от настроения — посылают меня за разными книгами: от фривольной «Манон Леско» до «Замогильных записок».

Однако и в любви принц Сальвадор не слишком преуспел, поскольку... он был не Гэндзи. Кроме того, он пошел не в мать, а в отца: как и он, играл на кларнете военные марши и бойкие кадрили, обожал муштру и с детства любил перед зеркалом примеривать эполеты. Мать, великую демократку, чей аристократизм не заглушил в ней любви к народу... и даже больше скажу: к простонародью и сочувствия к больным и калекам, муштра и военные марши заставляли слегка поморщиться. Только слегка, поскольку сыну она бы все простила, но ее отталкивало от Сальвадора то, что он был ужасно некрасив. Впрочем, и это еще полбеды, но своей некрасивостью он был слишком похож на отца, во всяком случае ребенком: такой же рыжий, с вытянутым лицом, приплюснутым носом и удлиненными мочками ушей, как у Будды, хотя это не свидетельствовало о его мудрости и прозорливости, а, наоборот, придавало лицу нечто от деревенского идиота.

И Даная, великая демократка, обнимавшая и ласкавшая больных детей, не опасаясь заразиться оспой и проказой, взяла на себя грех: отвернулась от румяного и здорового сына. Доходило до того, что мальчик со слезами стучался к ней в комнату, наотмашь лупил ладонями по запертой

двери, а она затыкала уши и не открывала. Или же, открыв на минуту, отсылала его к нянькам и гувернанткам.

Для маленького Сальвадора это стало ужасной трагедией: он, рвавшийся к матери, обожавший и боготворивший ее, встречал со стороны Данаи холод, смешанный с насмешливой брезгливостью и неприязнью. Он не мог понять, в чем причина такого отношения матери. Старался ей угодить, не шалить, не буянить, быть послушным пай-мальчиком, всем кланяться и шаркать ножкой, но это не просто ухудшало ее отношение, но все окончательно портило. Я помню, как он прибежал ко мне, забирался по стремянке на верхнюю галерею с книжными полками и там сидел, сжавшись в комок и содрогаясь от беззвучных слез. Данаю откровенно бесило, что сын у нее рос таким благовоспитанным тихоней, во всем уподобляясь отцу. Бунтовать же и буянить он не умел, хотя подчас догадывался, что мать ждала от него именно бунта, пусть мальчишеского, но нарушающего чопорные порядки, заведенные его отцом.

Диана и Вильгельм в конце концов развелись. Это было неизбежно и никого не удивило. Конечно, разводы для монархии — скандал и повод для газетной шумихи, но все можно списать на личную жизнь и человеческие слабости, если даже земная церковь с ее злоупотреблениями и пороками — всего лишь жалкое подобие церкви небесной, святой и непорочной. А главное, со временем все забудется, и королева Ядвига надеялась, что заплаты на горностаевой мантии нашей монархии чудесным образом исчезнут, словно их и не было.

Так оно и вышло бы, если бы Даная стала той самой заплатой из небеленой ткани, которая, по слову евангельскому, разодрала всю ветхую одежду монархии.

IV

Впрочем, я оговорился: не Даная, а Альфонсина, конечно же. Но я и не оговорился, поскольку первой была все-таки Даная, Альфонсина же завершила начатое, и если под руками Данаи одежда монархии слегка треснула и расплзлась, то

Альфонсина разодрала ее на куски и разбросала их по всему свету. Данае это не позволили: с ней расправились келейно, под покровом глубокой ночи. Ночи, то бишь тайны, чей покров еще более непроницаем, чем темнота... или все же ночи... Впрочем, это уже неважно, поскольку именно Данае стала жертвой заговора, на который я прозрачно намекнул в начале. Данае завлекли (заманили) на горную прогулку неподалеку от монастыря, где такая чарующая красота и прекрасные виды. Завлекли одну, без телохранителя, которому (надо же!) неслыханно везло в казино. Козьими тропами поднялись с ней на самую вершину. И, когда стемнело и настало время спускаться, незаметно подбросили ей под ноги скользкий камушек и под видом помощи — дабы она не оступилась на краю зияющей пропасти — легонько толкнули в спину. Разумеется, позднее все это было объяснено как трагическая нелепость — такая же, как несчастный случай во время купания (можно и в ванне утонуть) или автомобильная катастрофа.

Повторить же этот трюк с Альфонсиной не удалось, поскольку она до визга боялась высоты, от которой ее тошнило и кружилась голова, и поднять ее на горные кручи можно было лишь связанную в багажнике автомобиля. Да и то не факт, что из этого что-нибудь бы вышло: она и не далась бы, искусала и отхлестала по щекам (африканский норов!) любого, кто рискнул приблизиться к ней с веревками.

Кроме того, Альфонсина обожала позировать перед телекамерами и если бы все-таки преодолела свой страх и совершила отчаянную попытку подняться в горы, то лишь ради очередного интервью или по крайней мере эффектной фотосессии. Таким образом, газетная братия могла следить за каждым ее шагом. На горной прогулке, помимо нанятых фотографов, за любым камнем прятались бы наглые папарацци, готовые, едва завидев ее, наставить свои настырные объективы.

Рассказывая об этом, я вновь ловлю себя на мысли, что еще не поздно остановиться, перечеркнуть написанное, а то и вовсе скомкать бумагу и выбросить в корзину. Негоже, светя неверным фонариком в ночи, выдавать династические тайны. Ведь для публики с убийством Данае все

шито-крыто. Концы в воду, как говорится. Ее похоронили с чуть ли не воинскими почестями, церемониальным маршем королевских гвардейцев и скорбными слезами всего двора. Но я-то знаю...

Моя библиотека находится как раз над королевскими покоями. Настеленный под паркетом в несколько слоев войлок прогрызли мыши, и до меня доносятся голоса, я невольно становлюсь свидетелем самых секретных переговоров. Одно время я, охваченный порывом монархической преданности, даже хотел, чтобы мне вырвали язык, поскольку я слишком много знаю и владею секретами, не предназначенными для чужих ушей.

Вот я невольно и услышал донесшиеся из-под войлока слова королевы, адресованные начальнику тайной полиции:

— Горная прогулка? Это, наверное, опасно... Ах, поступайте, как знаете...

После этого все и случилось. Почему? Вопрос о причинах — скользкий камушек, но я все же рискну на него ступить. По королевству расползлись слухи, что Даная ждала ребенка от своего обожаемого телохранителя. Насколько это *было* правдой, судить не берусь. Но окажись это правдой, скандал разразился бы неслыханный. И не просто скандал, а крах всех монархических устоев. В стройную цепочку наследников власти вторгся бы непрошенный самозванец, а самозванцы для престола (вспомним ту же Россию) — худшие враги.

Отсюда обуревавшие Ядвигу чувства, ее желание устроиться и недвусмысленный намек: «Ах, поступайте, как знаете...»

Как знаете... Однако кто же, собственно, знал? Ну, несомненно, принц Вильгельм, начальник тайной полиции, его особенно доверенные агенты, кое-кто из придворных — хотя бы та же графиня Мальвина, наперсница королевы. А принц Сальвадор, сын Данаи? Знал ли он, что его мать убили? Тут я мог бы добавить: его обожаемую и ненавистную мать, поскольку принц, измученный холодностью Данаи, ее так же любил, как и ненавидел. О, это особая ненависть! В ней угадывается некий надрыв, исступление, лихорадка, предвестие падучей болезни, которой был одержим бывший

каторжник, страстный игрок и к тому же прославившийся на весь мир писатель (не Кнут Гамсун, а другой... вылетело из памяти... фамилия, кажется, на «Д»).

V

Я не ответил сразу на заданный вопрос, чтобы он некоторое время побыл именно вопросом, поскольку в вопросительной форме больше жгучей соли, о которой Спасителем сказано: «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой?» Наша же соль теряет силу при утвердительном ответе: «Да, Сальвадор знал», «Нет, он не знал и знать не мог». Поэтому повторяю еще раз свой вопрос: «Знал? Или не знал?» И, убедившись, что соленый привкус крови на губах уже не исчезнет, наконец произнесу ответ: «Знал».

Почему я так в этом уверен? Да потому что я сам сразу ему обо всем сказал, лишь только услышал слова королевы. Впрочем, нет, не сразу. Прошу дать мне положенный срок для нерешительности и сомнений — ну, скажем, два-три дня. Ведь я больше никому не говорил. Что вы! Избави бог! Я был нем, как экзотические рыбы в королевском аквариуме, разевающие овальные рты и вздымающие опахала своих плавников. Впрочем, я даже рта не разевал, понимая, что начальнику тайной полиции достаточно одного шевеления губ, чтобы меня разоблачить и подослать мне наемных убийц. Поэтому я все же позволил себе посомневаться два-три дня перед тем, как выложить все принцу Сальвадору. Что меня заставило? Какова была моя цель? Хотел ли я, уподобившись призраку отца Гамлета, воззвать к мести — пусть не за отца, а за мать? Может быть, и хотел, но я не зря ссылаясь на Евангелие, чтобы меня уличили в подстрекательстве к мести. Нет, я стремился излечить принца от его лихорадки, его исступленной ненависти и обратить ее в любовь. И лекарством, коим я пользовал принца, была жалость и сострадание.

Я просил Сальвадора удостоить меня своим посещением, долго водил его по галереям библиотеки, показывая книжные редкости и диковинки. И, заметив, что принц начал скучать

и позевывать (он, как и его мать Данаая и уж тем более — невеста Альфонсина, мало читал), завел его в тайную комнатку, где нас не могли подслушать, и выложил перед ним все подробности того страшного дня. Откуда я их узнал — все-то? Да все оттуда же, из-под войлока, положенного в несколько слоев под паркетом и проеденного мышами (на всякий случай уточню: паркет был, конечно же, настелен не прямо на войлок, а на прочную опору из досок, но уж это, как положено, как принято у мастеров своего дела). К тому же судьба послала мне одного чудачковатого чернеца, имевшего обыкновение обозревать окрестности горного монастыря в подзорную трубу. В тот роковой вечер он дежурил на своем посту и видел, как принцессу Данаю столкнули с обрыва. Естественно, я его подробно расспросил, заручившись клятвой больше никому об этом не сообщать. Даже под пытками.

Сальвадор был потрясен моим рассказом. Он ушел от меня, слегка пошатываясь, держась за стены и вытирая слезы. Именно в этот момент мать стала для него действительно матерью, которую он словно бы заново обрел. И все дальнейшие события — знакомство с Альфонсиной, свадьба, рождение первенца и отказ от королевских привилегий со стороны принца были попыткой оправдаться перед матерью. За что? За то, что он позволил всему свершиться, не оказался рядом, не помог, не поддержал и долгое время вообще ничего не знал.

VI

Позволю себе повторить: со стороны принца. А со стороны Альфонсины?

Она, конечно, узнала — выведала у принца его секрет, как в пансионе благородных девиц, где Альфонсина одно время воспитывалась (по вздорной прихоти честолюбивых родителей), оные девицы выведывают у подруг их секреты: «Скажи хотя бы, на какую букву», «Назови хоть две первые буквы» и так до полного овладения чужим секретом. Вот и Альфонсина действовала тем же способом. Заметив, что Сальвадор вернулся от меня в душевном смятении, коего

не могла скрыть даже притворная улыбка, она стала к нему исподволь подкрадываться, ластиться, приставать с одним и тем же вопросом: «Ну что тебе сказал этот противный библиотекарь?» — и наконец вырвала секрет, как отрывают пуговицу вместе с куском материи.

Откровениям принца о заговоре против его матери и насильственной смерти Данаи Альфонсина внимала как замороженная. Выслушав все до конца, она, потрясенная так же, как и он, бросилась мужу на грудь, прижалась к нему своей прелестной головкой и надолго затихла, не способная произнести ни слова. Сальвадор был благодарен ей за такое сочувствие, умилен и растроган, но он не подозревал, что одним сочувствием Альфонсина не ограничится, что у нее возникнет план, как повернуть случившееся к собственной выгоде. В чем же заключалась эта выгода, стало ясно не сразу, а постепенно — по мере того, как новоиспеченная принцесса осваивалась, училась всем распоряжаться и командовать во дворце.

По существующему обычаю придворному художнику был заказан ее портрет, который сначала повесили в картинной галерее, а затем — после всех эксцентричных выходов Альфонсины — благополучно сбагрили в мою библиотеку, чтобы я засунул его подальше. Этот портрет я часто достаю, сдуваю с него пыль, разглядываю и даже внимательнейшим образом изучаю, стараясь распознать в нем затаенные черты характера новоиспеченной амазонки, хозяйки Южных апартаментов дворца, отведенных для жизни молодой четы.

Почему портрет, а не оригинал? Альфонсина столь непоседлива и вертлява, выражения лица ее так часто меняются, что нет решительно никакой возможности его живую как следует разглядеть, а уж тем более постигнуть скрытые за внешностью черты характера. Поэтому приходится довольствоваться портретом, хоть и официальным, принадлежащим кисти придворного живописца, но все же создающим некий образ.

Прежде всего бросается в глаза, что живописец умерил смуглоту кожи своей модели, затушевал проступающие в ее лице черты африканки и изрядно облагородил его. Не знаю,